

**Библиотека
психоанализа**

**Невилл
Симмингтон**

Становление личности
в психоанализе



Библиотека психоанализа

Невилл Симингтон
**Становление личности
в психоанализе**

«Когито-Центр»

2007

УДК 159.9
ББК 88

Симингтон Н.

Становление личности в психоанализе / Н. Симингтон —
«Когито-Центр», 2007 — (Библиотека психоанализа)

ISBN 978-5-89353-484-9

В этой книге Невилл Симингтон собрал воедино свои лекции и ранее опубликованные статьи, снабдив их свежими комментариями, которые открывают читателю все богатство его идей и побуждают к размышлениям относительно настоящего и будущего психоаналитической теории и клинической практики. С неожиданной открытостью автор приглашает читателя приобщиться к внутренней борьбе, сомнениям и противоречиям, которые сопровождали развитие его как личности и как психоаналитика. Интересными представляются его взгляды изнутри на принципы устройства и взаимодействие различных психоаналитических групп и направлений, а также его оценки идей Фрейда, Фейрберна, Кляйн, Биона, Винникотта и Балинта. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-89353-484-9

© Симингтон Н., 2007

© Когито-Центр, 2007

Содержание

Об авторе	6
Введение	7
Часть I	11
Глава первая	11
Часть II	24
Введение	24
Глава вторая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Невилл Симингтон

Становление личности в психоанализе

© Neville Symington, 2007

Original edition published by Karnac Books Ltd, represented by The Cathy Miller Foreign Rights Agency, London

© Когито-Центр, 2016

* * *

В память о Джоне Клаубере, за сердечную щедрость и глубину понимания которого я буду благодарен до дня своей смерти

Об авторе

Невилл Симингтон – психоаналитик, имеющий частную практику и работающий вместе с женой (тоже психоаналитиком) в Сиднее, Австралия.

В молодые годы защитил диплом по философии, а затем по теологии. Позднее получил степень по психологии и диплом по клинической психологии. Прошел свой психоаналитический тренинг в Лондоне и стал членом Британского психоаналитического общества. Был ведущим специалистом Взрослого отделения в Тэвистокской клинике в 1977–1985 годы. Также являлся заведующим кафедрой психологии Взрослого и Подросткового отделений Тэвистокской клиники в Лондоне.

В 1986 году переехал в Сидней, где с 1987 по 1993 год был председателем Сиднейского института психоанализа. В 1999–2002 годы являлся президентом Австралийского психоаналитического общества.

Автор книг *Аналитический опыт* (Free Association Press and St Martins Press); *Эмоция и дух* (Cassel, переиздан Карнас); *Нарциссизм: Новая теория*; *Формирование психотерапевта*; *Сущность здоровья*; *Структура безумия*; *Как выбрать психотерапевта*; *Слепой видит*; а также *Исцеляющая беседа* (все эти книги вышли в издательстве Карнас). Вместе с Джоан Симингтон является соавтором книги *Клиническое мышление Уилфреда Биона* (Routledge). Читал лекции в Великобритании, Норвегии, Дании, Польше, Германии, США, Бразилии, Израиле, Индии, Новой Зеландии и Австралии. Имеет свой сайт www.nevillesymington.com.

Автор выражает благодарность Кэри Дилерниа за его бесценную помощь в подготовке этой рукописи.

Введение

*И я спешил к вершинам упований,
Бросался прочь, ступив за грани,
В ущелья тьмы, в глубокий страшный бред
От тех ступней, что гонят дальше всех.*
(Thompson, 1913, v. 1, p. 107, «The Hound of Heaven»)

Однажды пациентка мне сказала: «Меня пугает предположение, что вы реально существуете»¹. Когда она произнесла это, у меня появилось смутное ощущение, что ее высказывание имеет огромную важность. Оно так сильно затронуло меня, что в течение 35 лет я пытался понять его смысл. Признание факта моего реального существования разрушало всю структуру, вокруг которой была построена жизнь пациентки. Это означало бы, что ей пришлось бы перестроить свою жизнь вокруг основания, выстроенного из ее собственной реальности, вместо того чтобы скрывать эту реальность в чуждом ей имаго. Нарциссизм является как раз именно таким состоянием ума, при котором не существует ни я, ни другой. Много лет спустя я стал изучать нарциссизм, и это было частью поиска, направленного на решение данной проблемы.

Ее пугало то же самое, что и меня. Несмотря на испуг, я чувствовал также притяжение. Оно было в самом моем страхе. Путешествие, целью которого было открытие себя, началось задолго до моего прихода в психоанализ. Там, откуда я начал, я должен был найти себя. Психоанализ был подходящим средством для этого поиска, потому что в соответствии с его теорией сокровища ищут именно там, где есть страх. На мой взгляд, для этого не подходит невыразительное слово «сопротивление». «Беспредельный мрак ущелий, наполненных страхами», – это больше похоже на истину.

Цель психоанализа – получение знания о том, кто я такой. Кто этот человек, чье имя я слышу каждый день? Эта цель достигается через гармонизацию трех психологических систем координат: эмоционального опыта, личностного общения и саморефлексии. Хотя я разграничиваю три эти области, они не могут рассматриваться в изоляции. Эмоциональный опыт глубинным образом связан с личностным общением и дает материал для саморефлексии. В данной книге я попытался описать свое личное представление об этих трех системах координат. Достижение цели невозможно, если одна из составляющих отсутствует. В моем собственном опыте было пять важных моментов, повлиявших на мое развитие как психоаналитика: прохождение анализа у Джона Клаубера, мой ранний опыт лечения психотического пациента, пациента с ограниченными интеллектуальными способностями, преступников и психопатов и обучение управлению легким самолетом. Были и другие события, однако либо слишком интимные, либо слишком сильно связанные с жизнью других людей. Самые глубокие из них оказали наибольшее воздействие, однако они должны оставаться за занавесом. Такие события могут освещаться только в автобиографии, близкой по духу к эмоциональной исповеди. Тем не менее я считаю, что мы не можем достичь глубин нашего существования, если не испытываем сильных эмоциональных потрясений. На мой взгляд, учебные комиссии в психоаналитических институтах слишком склонны к контролю и чрезмерно осторожны. Я неоднократно слышал о том, что супервизоры не рекомендуют кандидатам брать в анализ психически больных пациентов. Этим они лишают кандидатов возможности проникнуть сознанием на самые глубокие уровни своего существования.

¹ Подробнее об этой пациентке рассказывается в двух главах «Пациент формирует аналитика» и «Акт свободы аналитика как фактор терапевтического изменения».

Следующая система координат – личностные отношения. Люди растут и развиваются посредством общения. Но это верно только тогда, когда человек всеми силами своего воображения и ума стремится к преодолению пропасти, отделяющей его от других и от того, что находится в глубине его самого.

Третье измерение – саморефлексия. Сократ говорил, что неизученная жизнь не стоит того, чтобы ее проживать. Понимание собственного опыта и реализация своей индивидуальности с древних времен считались источником мудрости. Психоанализ отличается от других способов достижения этой цели именно своим пристальным вниманием к общению с Другим. Постепенно, с годами, я пришел к выводу, что именно общение, а не интерпретация приводит меня, пациента или аналитика, к пониманию того, кто я такой. Как подчеркивает Мартин Бубер (Buber, 1987), именно отношение *Я – Ты* создает личность и одновременно дает мне возможность самопознания. Отношение *Я – Ты* называется в психоанализе *переносом*. Однако я должен опереться на мнение Бубера, чтобы убедиться в том, что правильно понимаю это отношение и не обманываюсь видом подделки, часто выдаваемой за *перенос*. *Перенос* содержится в тех глубоко укорененных представлениях о другом, которые являются ложными. Фантазии, возникающие в отношении анонимного аналитика, редко касаются тех глубоких иллюзий, которые поддерживают психоз на протяжении долгих лет, а порой и всей жизни.

30 лет я являюсь квалифицированным психоаналитиком. Я очень изменился за это время, и тем не менее мои самые глубокие интуитивные представления не изменились. Мое развитие было медленным процессом, основанным на доверии своей интуиции. Это акт доверия собственной душевной интуиции превратил данную мне жизнь в мою собственную жизнь: «Поток, который я осмеливаюсь называть *моей* жизнью», – писал Тейяр де Шарден (Teilhard de Chardin, 1960, p. 55). Мое психоаналитическое развитие всегда было подчинено такому пониманию жизни и зависело от него.

В этой книге я пытаюсь проследить путь, пройденный мной для того, чтобы стать личностью. Он проходил параллельно моим усилиям, направленным на то, чтобы стать психоаналитиком. Первая задача более глубокая, она заставляет меня выходить за формальные границы психоанализа. Психоанализ является необходимым компонентом, но не единственным. Невозможно обойтись и без онтологической рефлексии. Я сделал знаменательные открытия, читая философскую, социологическую, историческую и художественную литературу. Обучение живописи, управлению самолетом, а также изучение искусства и теории авиации открыли мне новые перспективы. Пытаясь понять, кто я такой, я также пытаюсь стать аналитиком. Я уверен, что никогда не стану им. Я постоянно пребываю в процессе становления, поэтому этот рассказ – всего лишь набросок. Окончательная картина никогда не материализуется. Этот рассказ автобиографичен, но лишь частично. Я ничего не говорю о том плодотворном жизненном опыте, который я получил до того, как я начал свое аналитическое обучение. Вместо этого я пытаюсь проследить, как изменились моя теоретическая позиция с того момента, когда у меня появился первый клиент, и до сегодняшнего дня.

Чтобы стать психоаналитиком, необходимо самому пройти психоанализ. Я начал свой анализ в апреле 1970 года в рамках аналитического тренинга. До этого я проходил психоанализ у другого аналитика в течение трех лет. Вскоре после того, как я занялся анализом с целью аналитического тренинга, я понял, что должен принять решение. Внутри Британского психоаналитического общества существует три школы: фрейдистская группа, члены которой следуют учению и методу Анны Фрейд; кляйнианцы, последователи учения и метода Мелани Кляйн, и группа независимых психоаналитиков, которую я буду называть независимой группой, члены которой не пожелали присоединиться ни к одному из лагерей. Прежде я был священником римско-католической церкви и потому чувствовал фанатизм, исходящий от сторонников и Анны Фрейд, и Мелани Кляйн. В своей жизни я уже насытился таким отношением,

поэтому я выбрал независимую группу. Несмотря на проявляемую мною значительную критичность к некоторым установкам, принятым в группе, я рад, что сделал такой выбор.

Это означало, что мне предстояло выбрать аналитика из независимой группы. На собеседовании, состоявшемся после того, как я впервые заявил о желании пройти обучение, Энид Балинт посоветовала мне обратиться к Джону Клауберу. Я последовал ее совету и пошел к нему на первую диагностическую встречу. Вскоре после начала он сказал мне: «Не возражаете, если я буду с вами очень откровенен? Видите ли, мне кажется, вы очень больны».

Я испытал огромное облегчение, когда он сказал это. Я проходил собеседование у трех разных и довольно известных психоаналитиков, и никто из них не увидел за внушающим доверие фасадом больного человека.

Так я начал свой анализ и продолжал его в течение трех с половиной лет до того, как началось программа тренинга. Клаубер настоял на том, чтобы я привел в порядок свое эмоциональное состояние перед тем, как начнется тренинг. В тот момент я воспринял это с недовольством, однако я понимал, что он прав, и до сих пор благодарен ему за это.

Я принял участие в программе тренинга в сентябре 1973 года. Первый год обучения был посвящен наблюдению за детьми. В программе вместе со мной обучалось еще три человека (Патрик Кейсмент, Пол О'Фаррелл и Даниэл Иван-Заде), нашим куратором была Барбара Вудхед. Ее кабинет для приема находился на верхнем этаже дома номер 100 по Харли-стрит, и мы поднимались в ее квартиру на старом лифте производства Хиз Робинсон. Когда мы выходили из лифта на верхнем этаже, каждый раз у нас было ощущение, что дух Фрейда витает где-то рядом и охраняет нас, потому что выйти живым из этого старого разболтанного лифта всегда казалось чудом. В моем еженедельном наблюдении за ребенком лишь один момент показался мне важным. Едва начав ходить, ребенок мог без падения пройти от матери до меня и обратно. Когда же он пробовал пройти от одного неодушевленного предмета до другого, то всегда падал. Это напомнило мне о хождении святого Петра по водам Галилеи. Ему удавалось это, пока он с верой смотрел на Иисуса. Но как только его взор начинал блуждать по волнующемуся морю, он начинал тонуть. Я подумал, что, возможно, данная история отражает раннюю психологическую истину: источник уверенности содержится в акте доверия, направленного на другого человека. Спустя многие годы в моей жизни случился эпизод, подтверждающей данную точку зрения.

Я учился водить самолет и получил частную лицензию, но мне не хватало уверенности в своих силах. Тогда я сменил летную школу. В новой школе преподавали супруги, и знание авиации было у них в крови. Я испытал к ним доверие. Я открыл для себя, что, поднимаясь в небо, мысленно я продолжаю видеть их, и тогда ко мне приходит уверенность, которой не было раньше. Мне кажется, что доверие связано с чем-то намного более глубоким в личности человека, чем любые поверхностные характеристики. Я могу доверять людям, когда они делают или говорят что-то, если это идет от сердца. Если функция анализа клиента или управления самолетом усвоена всем существом человека, я могу испытывать доверие, и этот внутренний акт становится источником моей уверенности. Подозреваю, что малыш, за которым я наблюдал, направляя свой доверчивый взгляд на мать или на меня, получал уверенность в том, что он может идти и не падать. Понимая, сколько внутренних открытий сделали другие за время работы, мне казалось, что я не извлек многого из своих наблюдений за детьми, но со временем пришел к мнению, что тот единственный факт, который я действительно отметил, оказался для меня очень важным и сослужил мне добрую службу.

Во время психоаналитической подготовки у меня было еще два занятия. Я получал высшее образование по психологии и работал психотерапевтом в тюрьме Грендон. Когда первый год моего наблюдения за детьми подошел к концу и начался второй, я уже долгое время читал Фрейда и сделал множество записей о прочитанном. Когда начались академические семинары по Фрейду, у меня уже было основательное представление о предмете. Задолго до того, как я пришел в психоанализ, я убедился в том, что единственным способом получения знаний о

предмете является постижение мыслей гения. У меня уже был подобный опыт, когда я занимался теологией. Я прочел «Сумму теологии» Фомы Аквинского с полной концентрацией внимания. Так, входя в ворота психоаналитического знания, я не жалел времени на попытки понять и усвоить взгляды Фрейда. Должен признаться, что изучение его работ было для меня более сложным, чем сочинений Аквинского. Впоследствии я пришел к мнению, что причина заключалась в том, что Аквинский во всех своих работах руководствовался одним основополагающим принципом, в то время как Фрейд опирался на два не связанных друг с другом принципа. На самом деле эти принципы несовместимы. В системе Аквинского была согласованность, которой не было у Фрейда. Дело не в том, что Фрейд не стремился к такой согласованности, но он не достиг ее из-за того, что отказался от обобщений на самом высоком уровне абстракции. Я потратил много лет, чтобы сделать это заключение, но когда я учился, меня преследовало лишь смутное ощущение несоответствия.

Я считаю, что Уилфред Бион достиг этого наивысшего уровня абстракции.

Еще один принцип, который я усвоил в результате предыдущего обучения, состоял в том, чтобы читать лишь то, что имеет смысл лично для меня, и оставлять в стороне остальное вне зависимости от того, насколько высоко его оценивает множество других людей. Я строго придерживался этого правила во время своего академического обучения в Институте психоанализа. Если я извлекал много полезного для себя из чтения определенной книги, то продолжал читать ее, несмотря на то, что по графику следовало переходить к постижению другой литературы.

Всегда подчеркивается, что самая значимая часть психоаналитического образования состоит в опыте прохождения собственного психоанализа. По этой причине я начинаю данную книгу с работы, написанной и представленной мной в Британском психоаналитическом обществе в 1985 году через четыре года после смерти Джона Клаубера и за год до моего отъезда из Англии в Австралию.

Итак, книга открывается этой статьей, но ко времени ее написания направление моего теоретического развития уже во многом определилось. В 1977 году мне предложили прочитать курс из тридцати лекций для специалистов по психическому здоровью Тэвистокской клиники. Я читал эти лекции каждый год вплоть до конца 1984 года. Постепенно я вносил в них значительные изменения. После этого меня попросили собрать их вместе, и в таком виде они были опубликованы в 1986 году в книге «Аналитический опыт». В этой книге представлена моя первая теоретическая позиция. Там излагались теории Фрейда, его ранних последователей, а затем Фейрберна, Мелани Кляйн, Биона, Винникотта и Балинта. В ней выражалось мое личное мнение, а значит, мои собственные представления об этих выдающихся клиницистах, однако я все еще трепетал перед авторитетом первооткрывателей. Несмотря на то, что я критически относился к некоторым их воззрениям, я все еще не открыл свою собственную теоретическую концепцию. Я еще разрывался между двумя несовместимыми теориями. Я пришел к мнению, что этот разрыв существует повсеместно в психоаналитическом мире, надеюсь, что данная книга ясно это показывает.

Я оставил эти работы в первоначальном виде за исключением того, что исключил некоторые повторения и кое-что добавил для разъяснения. Я также присоединил дополнительные комментарии к примечаниям в конце глав там, где мои взгляды ушли вперед или отклонились от тех, которые я выражал ранее.

Часть I

Джон Клаубер: психоаналитик личности

Глава первая

Джон Клаубер, независимый клиницист

Хоть сила подавляет тело, она также приводит к озлоблению ума. Тот, кто использует ее даже во имя защиты правого дела, в час победы может закрыть свое сердце для жалости, чем обрекает себя или своих детей на ответственность за ужасную кару, которую рано или поздно боги насылают на гордецов.
(Bryant, 1969, p. 68)

Джон Клаубер умер 11 августа 1981 года во время отпуска, который он проводил во Франции вместе с женой. На мой взгляд, он внес существенный вклад в психоанализ, который, как мне представляется, недооценен, и существует риск, что он останется незамеченным. Отчасти он сам в ответе за это, так как был скромным человеком и не считал себя открывателем нового, как, например, Балинт или Винникотт. Тем не менее он внес вклад в область психоанализа, наиболее ценную для любого клинициста, – в клиническую практику. Он был глубоким мыслителем, и его технические новшества были подкреплены теорией (подробней об этом см. раздел «Мысли спустя тридцать лет»).

Джон Клаубер был моим аналитиком. Я обратился к нему, находясь в состоянии очевидной болезни, пребывая во внутреннем и внешнем смятении, и спустя семь с лишним лет вышел из психоанализа другим человеком. Я знаю, что сам приложил немало усилий для достижения этого, и тем не менее уверен, что его вклад в аналитический процесс был неопределенным. Все эти годы я пытался в свободное время вычленить те составляющие процесса, которые оказались решающими в достижении успешного терапевтического результата. Я хотел бы начать с его клинической практики, прежде чем переходить к рассмотрению теории и обнаружению тесной взаимосвязи между ними.

Перечисление общеизвестных или традиционных аспектов клинической практики Клаубера может показаться излишним, однако в последние годы я пришел к выводу, что иногда то, что больше всего обсуждается, никоим образом не совпадает с тем, что происходит в реальности. Так, с самого начала анализа и до его окончания он занимался интерпретацией переноса. Он крайне редко говорил о моем отношении к нему, однако он искал скрытые глубинные иллюзии, которые я питал на его счет, а на ранних стадиях анализа он облакал в словесную форму мои чувства по отношению к нему. Мне кажется очень важным с точки зрения техники то, что он ни словом, ни интонацией не отрицал мои предположения о нем. Он просто интерпретировал мои фантазии переноса. При этом он не давал мне никакого намека на то, что мои предположения неправильны. Долгое время я считал, что все психоаналитики поступают так, что такова интерпретация переноса, но в итоге пришел к пониманию, что обычно аналитики вкладывают в это другой смысл. Я слышал много докладов о поведении пациента и его отношении к аналитику или (в интерпретации Клаубера) о том, как аналитик указывает пациенту на его ошибку, на его искаженное понимание ситуации. Приведу очень простой пример, чтобы показать, что я имею в виду. Один из моих коллег в докладе о своих клинических наблюдениях сообщил, что его пациент сказал, что считает аналитика жестким фрейдистом. Аналитик опроверг это критическое высказывание и привлек внимание пациента к тому, насколько он

(аналитик) свободен и гибок в своем подходе. На его месте Клаубер обратил бы внимание на чувства пациента и предложил бы интерпретацию, которая позволила бы пациенту свободно говорить о том, что он считает аналитика жестким фрейдистом. Он не стал бы указывать пациенту на его неправильное восприятие ситуации.

Думаю, что Клаубер верил в то, что если аналитик несет на себе эти иллюзии в течение определенного времени, то порождающие их импульсы постепенно видоизменяются. Таким образом, можно осмыслить метод Клаубера с той точки зрения, что он берет на себя роль контейнера для проекций пациента на ранней стадии анализа, причем в том значении, в котором, по выражению Биона, хорошая мать делает это для своего ребенка. По прошествии определенного времени аналитик будет способствовать разрушению иллюзий пациента так же, как, по Винникотту, мать должна помогать разрушать иллюзии ребенка. Чтобы не быть неправильно понятым, когда я говорю об «определенном времени», считаю нужным привести в качестве примера свой случай, прежде всего в отношении глубинных фантазий. Клаубер постоянно их интерпретировал, однако начал разрушать мои иллюзии только спустя пять или шесть лет после начала анализа. Я считаю его способность удерживать перенос на протяжении нескольких лет глубоко терапевтической. Я думаю, что это было полезно именно для меня; я не стану утверждать, что это полезно для каждого. Имея опыт деятельности в качестве аналитика, супервизора, супервизируемого, слушая доклады и выступления о клинической практике, я никогда не слышал об аналитике, который удерживал бы перенос так, как это делал Клаубер по отношению ко мне. Я также не слышал ни одного выступления, в котором аналитик говорил бы о своей последовательной, как у Клаубера, интерпретации переноса.

В своих интерпретациях переноса он придавал особенное значение негативному переносу. И вновь он не подчеркивал проявления моего негативного отношения к нему, но целенаправленно интерпретировал отрицательные образы как направленные на него. Часто под интерпретацией негативного переноса подразумевается скрытое обвинение пациента во враждебных или агрессивных импульсах по отношению к аналитику. Существует большая разница между аналитиком, который в ответ на неодобрение, высказанное пациентом по отношению к некому Джону Смигу, говорит: «Вы завуалированным образом насмехаетесь надо мной», – и аналитиком, который говорит: «Мне кажется, что чувства, которые вы выражаете в отношении Джона Смита, на самом деле относятся ко мне». Первое утверждение может значить для пациента: «Вы не должны насмехаться надо мной», – или: «С вашей стороны несправедливо насмехаться надо мной», в то время как во втором случае пациент может почувствовать, что аналитик способен принять эти враждебные побуждения. По отношению к Клауберу меня переполняет чувство, что он полностью принимал меня. В этой связи важно отметить, что я не помню, чтобы он когда-либо делал интерпретацию в стиле «какая-то часть вас». У меня всегда было ощущение собственной целостности и того, что он принимает меня во всей моей целостности. Я никогда не чувствовал, что он отталкивает меня. Я помню лишь один раз, когда он на мгновение занял оборонительную позицию. В понимании Клаубера интерпретация негативного переноса означает, что аналитик принимает ошибочное восприятие пациента. В этом разница с интерпретацией, ясно указывающей на то, что аналитик не принимает такого восприятия. Это основное, что я хотел бы подчеркнуть, говоря об ортодоксальном подходе Клаубера. (Также стоит упомянуть, что Клаубер никогда не нарушал пятидесятиминутной длительности сессии, не сокращал и не превышал ее. Он эпизодически менял время сессии и совсем редко отменял ее. Это создавало ощущение надежности.)

Теперь я обращаюсь к тем аспектам индивидуального аналитического стиля Клаубера, которые, несмотря на свою нетрадиционность, играли важную роль в достижении терапевтического результата. После того, что я сказал о значительном внимании, которое он уделял интерпретации переноса и контейнированию фантазий переноса, может показаться нелогичным и противоречивым то, что он подчеркивал важность непереносных элементов в аналитическом

сеттинге. Он считал, что пациент способен чрезвычайно тщательно исследовать настоящие личностные факторы аналитика. В работе «Психоаналитик как личность» он пишет:

Когда пациент приходит на консультацию к аналитику, не только аналитик оценивает пациента – пациент также стремится оценить аналитика. Несмотря на то, что перенос начинает складываться до консультации и играет важную роль в последующей реакции пациента, в процессе анализа обнаруживается, что способность Эго к оценке не парализована. Так же как психоаналитик начинает сбор информации с описания внешнего вида пациента, его движений и стиля одежды, информация об аналитике таким же образом скапливается у пациента: о его способности реагировать, его вкусах и личных пристрастиях, например, по картинам на стенах. Некоторые аналитики относятся к этому с сожалением и стараются ограничить эффективность оценки, создавая так называемый «нейтральный» сеттинг. Мне кажется, что такое отношение не учитывает в должной степени человеческий интеллект и человеческое бессознательное. Женщина, явно страдающая от параноидных тенденций, объясняет отказ от лечения у конкретного психоаналитика тем, что она никогда не смогла бы проходить анализ у кого-то, кто так безвкусно оформил свою консультационную комнату. Сама пациентка была необычайно восприимчива к изобразительному искусству, что выражалось в особенной разборчивости в приобретении предметов искусства. Один психоаналитик усмотрел в этом решении явное проявление неразумности пациентки. Другой посчитал, что восприимчивость, проявляющаяся в ее характере и, возможно, обостренная параноидными тенденциями, дала ей возможность быстро понять, что для психоаналитика с такими вкусами в живописи было бы чрезвычайно трудно глубоко почувствовать ее индивидуальность и понять ее (Klauber, 1968, p. 129–130).

В этой связи он считал, что иногда для аналитика бывает правильным признать точность восприятия пациента. Однажды я сказал ему, что он, как мне кажется, учился в частной школе, но я никак не мог представить его студентом закрытой школы-интерната. Он добродушно ответил мне, что, видимо, на мой взгляд, он не выглядит достаточно аскетично, чтобы поверить, что он прошел через все лишения школы-интерната. Затем он рассказал, что посещал частную школу Святого Павла, одну из немногочисленных школ дневного посещения, не являющуюся интернатом. Так как он полагал, что в психоаналитическом взаимоотношении существует непереносный элемент, он не считал, что любое общение должно быть проинтерпретировано. В работе «Элементы психоаналитического взаимоотношения и его терапевтические следствия» он задает вопрос: «Не слишком ли высокую цену мы платим за изоционность нашей техники, если наши реакции ограничиваются интерпретациями?» (Klauber, 1981, p. 59).

Часто его ответы на мои высказывания не представляли собой интерпретации, они были трех типов. Отклики первого типа не выглядели вначале как интерпретации, но по существу являлись ими. Ко второму типу принадлежали отклики эмоционального признания, когда я совершал шаг, способствующий моему развитию. Отклики третьего типа представляли собой открытую дискуссию по какой-то теме. Прежде чем перейти к следующим двум, приведу пример отклика первого типа.

Во время одного из этапов моего анализа я на условиях неполной занятости работал в тюрьме Грендон. Тюрьма находилась за Ойлзбери, и я, как правило, один – два раза в неделю ночевал в местной гостинице. Например, в среду утром у меня был анализ после моей учебной работы с пациентом, а затем я ехал в Грендон, ночевал там и возвращался в четверг, чтобы обдумать случаи из своей учебной практики и пройти анализ. В одну из сред Клау бер делал

доклад на вечернем заседании Общества, а я не упомянул об этом. Он обратил на это мое внимание. Я объяснил свое молчание тем, что никогда не был в городе в среду вечером и что мне надо было долго ехать, чтобы попасть на это заседание. Он просто сказал: «Кто-то из анализандов проделал бы большой путь, чтобы послушать, как его аналитик читает доклад», – и добродушно рассмеялся. Безусловно, это была интерпретация, однако я понял ее смысл немного позже. Думаю, что он всячески избегал формальных интерпретаций. Я полностью разделяю такой подход. Мне кажется это совершенно очевидным. Однако когда я слушаю некоторые доклады, меня поражает формальность интерпретаций, и, по моему мнению, причиной этого является отсутствие эмоциональной связи. Я хотел бы рассказать об одном эпизоде, случившемся летом с одним пациентом, который собирался закончить свой анализ в конце июля. Он принял решение уйти, не дожидаясь того момента, когда я заканчивал работу со всеми своими пациентами, готовясь к эмиграции. Причиной его ухода до моего отъезда было то, что, как он чувствовал, мне было бы трудно попрощаться одновременно со всеми своими пациентами, его охватывала паника, когда он думал, что ему придется оказывать мне поддержку, подбадривая расстроенного и подавленного аналитика. Незадолго до окончания сессии я сказал: «Но на самом деле мне *не нужна* ваша поддержка». Я знал из своего предыдущего опыта, что это окажет воздействие. Так и случилось. Когда он пришел на следующий день, то сказал, что осознал, что все это время он, вероятно, был убежден в том, что я действительно нуждаюсь в нем, чтобы подбадривать себя в унынии. Он рассказал и о том, что был уже готов действовать, когда накануне я сказал ему, что не нуждаюсь в его поддержке. Мое высказывание было интерпретацией. Я также уверен в том, что, если бы сказал ему: «Вы чувствуете, что мне нужна ваша поддержка», – это не тронуло бы его. На то, чтобы сделать такой вывод, было две причины. Если бы я выразился в таком традиционном стиле, он бы подумал, что это моя «аналитическая болтовня». Он почувствовал бы, что для меня важнее подчиняться правилам, чем думать о нем. Я также полагаю, что фантазия о том, что я нуждаюсь в его поддержке, была чрезвычайно глубокой, поэтому, если бы я сказал: «Вы чувствуете, что мне нужна ваша поддержка», – он услышал бы только слова, подтверждающие это: «Мне нужна ваша поддержка». Только противопоставив фантазии решительное «нет», стало возможно поднять ее в сознание. В моем собственном случае смех Клаубера ясно передает ощущение того, что он столкнулся с неприятной стороной человеческой природы, но довольно легко мирится с этим и сам он принадлежит к тому же несовершенному людскому роду. Клаубер обладал редкими моральными достоинствами, но он также получал удовольствие, когда обнаруживал коррупцию в высшем свете, что было очень полезно для меня, воспитанного в католической среде.

Коммуникация второго типа представляет собой эмоциональное признание. Когда я выходил из своих ограниченных рамок к новому эмоциональному восприятию окружающего, он неизменно признавал это, что, на мой взгляд, имело терапевтическое воздействие. Это признание было эквивалентом одобрения, с которым мать улыбается ребенку, когда он начинает добиваться успеха в своей новой энергичной попытке. Его признание всегда выражалось в том, что он добавлял к моим высказываниям свои подтверждающие замечания, довольно часто имеющие отношение к социальным установкам. Я отдаю себе отчет в том, что подобное признание может вызвать зависимость от одобрительной улыбки, но не думаю, что это произошло. Оказалось, что я смог отстаивать свой взгляды и принципы перед лицом сопротивления. Мне кажется, что слово «признание» здесь не подходит, было бы правильнее говорить о «согласии». Сейчас я хочу перейти к рассмотрению третьего вида отклика, когда он говорил со мной прямо. Я хочу уделить этому достаточное внимание, так как, по моему мнению, данный отклик представляет собой наиболее противоречивый аспект его техники.

Клаубер часто говорил о разнообразных сторонах жизни: об обсуждении книги, картины, об информации из новостей или о религиозной или общественной установке. Он знал, что делает. Когда я начал критиковать его за это, он ответил, что знает, что говорит на общие темы

намного больше, чем большинство серьезных аналитиков. На мой взгляд, этот вопрос заслуживает обсуждения и обдумывания. Беседы на разнообразные темы психологического и социального содержания были в его характере, но вместе с тем он полагал, что они также играют важную роль в психоаналитическом процессе. Совершенно ясно одно: он считал перенос таким мощным процессом, которому не могли помешать подобные обсуждения. Я могу вспомнить только случай, когда отвлеченный комментарий в разговоре показался мне неуместным.

Может показаться, будто подобные отвлечения были *совершенно* не связаны с интерпретациями, с которыми мы работали в тот момент; если такое впечатление сложилось, оно ошибочно. Они обычно, хотя не всегда, были *связаны* с обменом интерпретациями. Чтение всегда было для меня богатым источником самопознания, оно также способствовало моему эмоциональному развитию. Я приносил на сессии материал в форме диалогов с авторами книг, которые я читал в тот момент. Однажды я читал роман Сомерсета Моэма «Бремя страстей человеческих», и у меня выкристаллизовалось понимание одной вещи. Возможно, я испытал нарциссическое удовлетворение, обнаружив высказывание Моэма о том, что все слабые люди придают преувеличенное значение постоянству во взглядах. Как бы там ни было, я помню, как Клаубер сказал, что считает «Бремя страстей человеческих» самой значительной книгой Моэма. Кажется, я много говорил о романе «Луна и грош», но, насколько я помню, он думал, что «Бремя страстей человеческих» на голову выше всех остальных произведений Моэма. Несмотря на то, что я высоко ценил это произведение, я считал не менее достойными «Луну и грош», «Пряники и эль», «Подводя итоги» и некоторые короткие рассказы. Я считаю, что эти беседы связывали психоанализ и интерпретации, которые он делал, с паутиной жизни, так что психоанализ и жизнь взаимопроникали друг в друга. После анализа Клаубера я уже не мог без значительного усилия воли отделять мысленно психоанализ от других проявлений жизни. Эти беседы, представляющие собой парное взаимодействие, основанное на свободных ассоциациях, встроили психоаналитический инсайт в мою модель взаимоотношений с людьми и систему ценностей. Я убежден в том, что Клаубер глубоко верил в психоаналитический процесс, и эти беседы были рождены этой верой.

В последние годы своей жизни Клаубер довольно часто повторял на научных заседаниях, что аналитик должен формулировать свои интерпретации, не забывая, что наступит день, когда пациент покинет его консультационную комнату навсегда. К моему сожалению, я так и не спросил у него, как именно данный фактор влиял на структуру его интерпретаций, но я предполагаю следующее. Он считал, что целью психоанализа является содействие развитию собственной индивидуальности пациента, его творческого начала и отношения к жизни. Он также осознавал, что в процессе психоанализа пациент подвергается значительному влиянию и невозможно, чтобы пациент не усвоил некоторые установки аналитика. В частности, он считал это справедливым по отношению к пациентам, являющимся кандидатами в психоаналитики. В таких случаях анализанд продолжает деятельность своего наставника и берет на себя ту же роль по отношению к своим пациентам, которую аналитик брал по отношению к нему. Соответственно, он видел опасность в том, что пациент может отождествлять психоанализ с той конкретной формой, в которой он его проходил. Он считал, что, несмотря на то, что психоанализ не может проходить без участия аналитика, его необходимо отделять от специфической интонации, присущей тому или иному конкретному аналитику. Таким образом, пациенту по мере возможности необходимо помогать видеть разницу между процессом психоанализа, который может проводиться многими аналитиками с разнообразными установками, и индивидуальным стилем, присущим конкретному аналитику. Думаю, именно по этой причине он считал полезным для пациента иметь некоторое представление об аналитике как о человеке со своими предрассудками и установками. Исходя из своего личного опыта, могу сказать, что его открытость оказала на меня благоприятное воздействие. Мне кажется, она в определенной степени помогла мне осознать такую разницу. Возможно, это не вытекает из того, что я написал выше, однако я

расходился и до сих пор расхожусь с ним во многих установках, как относящихся к психоаналитической технике (например, неприятие им интерпретации типа «какай-то ваша часть»), так и в более общих установках. Другим важным результатом этих разговоров явилось то, что я смог увидеть области, которые, вероятно, он не мог анализировать хорошо. Мне известна одна область, которую он в действительности совершенно не анализировал, и, насколько я знаю его характер, маловероятно, чтобы он мог успешно делать это. Подобный вывод относится ко всем аналитикам, однако, на мой взгляд, его беседы означали, что он не скрывает этого, следовательно, в этом проявлялась его открытость правде. С точки зрения Клаубера, именно правда исцеляет. Во вступлении к книге «Трудности аналитического взаимодействия» он пишет: «Я думаю, что правда является громадным изменяющим фактором, посредством которого с помощью аналитика пациенты исцеляют себя» (Klauber, 1968, p. xiv).

Полагаю, что у каждого аналитика есть определенные области, которые, как он считает, особенно нуждаются в анализе. Клаубер полагал, что успешный анализ паранойи и параноидного мышления имеет первостепенную важность. Думаю, что он считал параноидные объединения наиболее вредными явлениями в социальной жизни. Он считал, вероятно, что паранойя всегда прячется за маской идеализации, поэтому выявлял тенденции к идеализации в любых проявлениях. Безусловно, он понимал, что в жизни необходима некоторая идеализация, что человеческие иллюзии и мечты являются мощными мотивационными факторами, однако, если он обнаруживал *веру* в идеализированный образ, он боролся с ним. В частности, он боролся с любым проявлением идеализации себя или психоанализа. Здесь мы вновь встречаемся с парадоксом: сам он очень глубоко верил в психоанализ. Но, как мне кажется, эти «беседы» и его самораскрытие значительно способствовали уменьшению паранойи. Если аналитик вступает с пациентом в сговор относительно представления о нем как о частичном объекте, он тем самым способствует сохранению параноидных фантазий и вступает с ними в сговор. Параноидные фантазии лежат в основе структуры частичных объектных отношений. Если аналитик воспринимается пациентом как частичный объект, параноидные фантазии остаются, и сговор в отношении их сохраняется. По этой причине Клаубер считал, что необходимо интерпретировать реально существующие, но отрицаемые представления об аналитике. В работе «Элементы психоаналитических взаимоотношений и их терапевтическое значение» он пишет:

Для уменьшения разрыва между образом аналитика, существующим в фантазии, и его образом, в деталях воспринимаемым на уровне Эго, необходимо целенаправленно содействовать интеграции этих двух образов путем интерпретации отрицаемых пациентом представлений о реальности, а иногда, на мой взгляд, путем признания аналитиком их верности (ibid, p. 59).

Клаубер считал, что необходимо позволять реальной личности аналитика проявляться во время лечения, особенно ближе к его концу. Он со всей очевидностью показывает это в статье «Особая форма переноса в невротической депрессии»; думаю, имеет смысл привести здесь данное высказывание полностью.

Освобождение агрессии в контексте любви приводит к сокращению расстояния между образами «Я» и объектными образами. Объектные образы перестают быть столь недостижимыми. Это позволяет пациенту чувствовать большую свободу в оценке характера аналитика. В частности, он ищет слабости в его характере и делает попытки тестирования ослабленных образов «Я» на фоне тестирования реальности или нереальности существования всемогущих объектных образов. Так, для обеспечения тестирования реальности и излечения находящегося в подавленном состоянии пациента, необходимо, чтобы этот процесс развивался беспрепятственно. Он должен почувствовать уверенность в том, что способен тестировать

реальность, позволить себе убедиться, что у аналитика действительно есть слабые стороны в профессиональном и личном плане и ему удалось их заметить.

Только в том случае, если он видит, что аналитик готов искренне их признать, и в случае неизбежной конфронтации принять их, он может получить уверенность, достаточную для того, чтобы выдержать ослабленные части собственной личности.

В типичном случае пациент открыто проявляет агрессию и предъявляет аналитику огромное количество своих наиболее болезненных проблем. С моей точки зрения, было бы ошибкой интерпретировать эту конфронтацию в терминах переноса без предварительного признания того, что существует возможность реального существования этих проблем. Данный процесс может быть крайне болезненным. Я думаю, что большинство аналитиков имеют подобный опыт.

Пациент открыто обсуждает некоторые слабости аналитика, скрывая при этом другие. Важно, чтобы аналитик внимательно отслеживал скрытые оценки, содержащиеся в переносе пациента, которые могут показаться ему болезненными, и без колебаний их интерпретировал. Это также будет не просто болезненно, а даже отчасти невозможно, причем аналитик также должен избегать риска мазохистических признаний. Однако в той мере, в которой он способен признать скрытые оценки, мужественные интерпретации тайных мыслей пациента позволяют пациенту уйти из анализа с достаточной уверенностью, что он способен добиваться поставленных целей, несмотря на свои недостатки (ibid., p. 106–107).

Из данного контекста становится ясно, что Клаубер не верил, что любой аналитик способен проанализировать все; он говорит, что второй анализ всегда открывает что-то, о чем пациент не мог сказать предыдущему аналитику.

Прежде чем оставить тему личного стиля Клаубера и его составляющих, приведу несколько примеров. Я родился и воспитывался в Опорто в Португалии, мой отец, мои дяди и большинство друзей нашей семьи занимались продажей портвейна. Я много говорил о портвейне, особенно на начальном этапе анализа. Однажды я сказал Клауберу, что у меня есть чувство, что он равнодушен к портвейну. Он с энтузиазмом подтвердил, что это так. В другой раз я рассказал ему, что мой отец всегда любил пикники в португальском стиле, со столами, стульями и т. п., и он немедленно ответил, что настоящий пикник должен быть именно таким. Он также откровенно говорил о своих взглядах на определенные аспекты религиозных верований и т. д. Он много говорил о картине Лота, висевшей у него на стене. У меня есть впечатление, что это не только не ослабляло фантазий переноса, но и по существу позволяло ему интерпретировать еле уловимые различия в отношениях переноса, заметить которые иначе было бы невозможно.

Говоря об этом аспекте его техники, невозможно обойти стороной следующий вопрос. Каким образом аналитик решает, на какие высказывания пациента реагировать интерпретацией, а на какие иначе? На этот вопрос возможен только один ответ: решение полностью зависит от внутреннего суждения аналитика. Это единственное, на что может положиться аналитик. К правилам и принципам прибегают исключительно при отсутствии внутреннего суждения. Разве можно обучить человека искусству суждения? Жесткое Супер-Эго подавляет мышление. С другой стороны, эмоциональный фон, характерный для взаимоотношений в паре,

способствует его рождению. По моему мнению, приверженность правилам или теориям является проявлением того, что Бион назвал *бета-элементами*. Способность рассуждать означает проявление *альфа-функции*. (*Бета-элементы* не изменяются под воздействием внутренней творческой силы, названной Бионом *альфа-функцией*.) На мой взгляд, часто и аналитик, и супервизоры усиливают Супер-Эго и подавляют суждение.

Я хотел бы упомянуть еще три аспекта стиля Клаубера, которые, по моему мнению, оказывали благотворное терапевтическое воздействие. Первым из них была абсолютная честность, и это проявлялось во всем, что он делал. Вторым состоит в том, что он никогда не делал «глобальных» интерпретаций, пока не был до конца уверен в том, что он хочет сказать. Внушить ему что-либо было совершенно невозможно. Если у него еще не было абсолютно ясной картины происходящего, слова оказывались потраченными впустую. Третьим моментом было его убеждение в том, что правда представляет собой наивысшую ценность, а психоанализ или является слугой правды, или не является ничем. Психоанализ не содержит в себе правду, а является ее слугой.

* * *

Все изложенное выше касается моего опыта общения с Клаубером, а также того, что определяет, по моему предположению, его метод анализа. Сейчас я хотел бы поместить то, о чем шла речь, в особенности его «беседы», в контекст его теории анализа как процесса оплакивания и детравматизации. На самом деле, Клаубер пишет о том, что процесс вхождения пациента в анализ является травмой. Лежа на кушетке, он отпускает образ аналитика из поля своего зрения, тем самым теряет контакт с лицом и жестами аналитика, возвращается к своим архаическим представлениям о реакциях внутренних объектов и вступает в контакт с аналитиком своих фантазий. Клаубер считает, что важнейшей частью психоаналитической техники должно быть поддержание пациента в наиболее полном выражении своих чувств и мыслей. Клаубер считает, что враждебность может невольно утаиваться пациентом и нередко проявляется в виде острого отвращения по отношению к анализу спустя некоторое время после его окончания. В том случае, когда пациент слишком захвачен фантазиями о своем аналитике, это помешает выражению его чувств и мыслей по отношению к аналитику. По мнению Клаубера, травматичность аналитической ситуации не может смягчаться только лишь в результате интерпретаций. Мне кажется, что тем самым Клаубер пытался настроить аналитиков не на какие-то сверхъестественные способы воздействия, а на наиболее естественное поведение. Проходя по коридору в Тэвистокской клинике и заглядывая в двери консультационных комнат, можно сразу узнать тех аналитиков, которые ожидают прихода пациента. Их поза и осанка явно говорят о напряжении. Это неизбежно приводит к тому, что напряжение передается и пациенту. Клаубер полагал, что последствия травмы пациента можно облегчить с помощью восприимчивости к его состоянию и через интерпретации. Пациент может начать процесс оплакивания потери иллюзий, связанных с образом аналитика, если ему удастся оценить реальные свойства личности аналитика и постепенно научиться отличать фантазии, спроецированные им на аналитика, от реального представления об аналитике. Если пациент имеет опыт того, что аналитик предоставляет ему психический контейнер для направленных на него проекций, то он оказывается в состоянии реинтегрировать их по-новому. Пациент становится способен взглянуть на аналитика как на более или менее обычного человека и справляться со своими фантазиями в будущем. Когда я размышляю о своем анализе у Клаубера и о разнице в состоянии до и после анализа, мне кажется, что наиболее существенным изменением для меня стало ощущение внутри некоего амортизатора, с помощью которого я могу справиться с большим количеством тревоги, чем раньше. На мой взгляд, метод Клаубера предоставляет пациенту возможность оплакать потерю иллюзий и фантазий, находясь в непосредственном контакте с реально существующим

«достаточно хорошим» аналитиком. В этом смысле детравматизация и оплакивание являются частями одного и того же процесса. В действительности пациент, как правило, яростно сопротивляется процессу, с помощью которого аналитик пытается отучить пациента от существующих в течение долгого времени иллюзий и фантазий. В начале анализа пациент погружается глубже, чем когда-либо, в нарциссический мир, задача аналитика – вытащить пациента из этого мира посредством восприимчивости к его состоянию и посредством интерпретаций. В этом состоит сходство взглядов Клаубера и Фэйрберна, который в статье 1958 года написал, что одной из задач аналитика является нападение на нарциссический внутренний мир. В более поздние годы жизни Клаубер выражал сомнение в целесообразности использования кушетки. И в этом я вижу желание способствовать процессу детравматизации и побуждать пациента более активно оплакивать свои иллюзии. Он также не одобрял идею очень долгого анализа.

Мне бы хотелось выделить в сказанном три момента. Могло сложиться впечатление, что Клаубер был склонен смягчать болезненный аспект анализа. Это не соответствует действительности. Его главная цель состояла в том, чтобы говорить правду. Правда являлась его основным ориентиром, и сентиментальность никогда не мешала ему говорить о чрезвычайно тяжелых вещах. Думаю, что именно из-за необходимости поднимать крайне болезненные темы он и заботился об обеспечении аналитической атмосферы, в условиях которой пациент смог бы эмоционально принять услышанное. Во-вторых, сосредоточенность на переносе, а также чувствительность к состоянию пациента (проявлением которой были также его «беседы») давали пациенту возможность получить богатейший жизненный опыт, что в конечном итоге приводило к изменениям в процессе анализа. Расширение эмоционального опыта является главным терапевтическим фактором в психоанализе. Последний момент касается тех изменений, которые произошли со мной после окончания анализа. Их было не меньше, а, по всей вероятности, даже больше, чем изменений, случившихся со мной в процессе анализа, что является доказательством эффективности его метода, в котором аналитик ориентируется на день, когда пациент навсегда покидает его кабинет.

Для Клаубера важнее было установить эмоциональный контакт, чем давать интерпретации. Способность устанавливать эмоциональный контакт является производной только одной функции – творческой функции отдельной личности. Исходя из этого, Клаубер придавал большое значение спонтанности. В отличие от импульсивности спонтанность порождается Эго, освобожденным от диктата Супер-Эго. Разумеется, никакая комиссия, ответственная за обучение студентов психоанализу, никогда не согласилась бы с тем, что спонтанность является сопутствующим фактором анализа, поскольку само определение спонтанности не предполагает какого-либо контроля извне. Невозможно регламентировать спонтанность. Какой кошмар для комиссии, чье самоуважение так зависит от возможности устанавливать правила для других!

Он был категорически против того, чтобы навязывать свое мнение пациенту. Он знал, что не располагает универсальным рецептом, как жить лучше. Однажды я начал встречаться с пациентом, который до этого уже несколько раз проходил терапию. История этого пациента свидетельствовала о том, что, по всей вероятности, он не будет долго продолжать свое лечение. Я сказал о нем Клауберу: «Он не относится к своему лечению серьезно». Он ответил: «Возможно, он бросит терапию, затем возобновит ее и снова бросит». Я спросил его: «Вам не кажется, что это неправильное отношение?», – и он ответил: «Это его жизнь, а не ваша». Я никогда не забуду этого замечания.

Именно в атмосфере спонтанности и свободы может произойти глубокий эмоциональный контакт, так как подобная атмосфера способствует достижению аналитиком состояния мечтания. Одновременно пациент поддерживает это состояние своим свободным самовыражением. Для психотической части личности характерна инертность, следовательно, данная часть личности не в состоянии устанавливать связи с пациентом. Фрейд рекомендует аналитику «свободно парящее внимание», Блонн говорит о состоянии «мечтания», а Клаубер называет

данное состояние «спонтанностью», что почти является синонимом первых двух. Я говорю «почти», потому что слово «спонтанность» несет смысловой оттенок обмена высказываниями, который отсутствует в двух других выражениях. Понятие спонтанности было настолько важным для Клаубера, что он считал, что аналитику лучше выражать свое отношение, чем воздерживаться от этого. На мой взгляд, он слишком расширил понятие спонтанности, однако я убежден в том, что это была меньшая из возможных ошибок в выборе между полной свободой и ригидностью.

Клаубер не был доволен общепринятой классической теорией, и до сих пор остается неясным, занялся ли бы он созданием собственной теории, если бы продолжал жить и читать лекции. Я сомневаюсь в этом. Он критически относился к существующей признанной теории и технике. По его мнению, она страдала склонностью к упрощению. Он считал, что она не уделяет достаточного внимания индивидуальному содержанию взаимодействия между аналитиком и пациентом, а также не обосновывает первостепенного положения эмоционального контакта в этом взаимодействии. Почему же он не создал новой теории? Для ответа на этот вопрос необходимо знать некоторые особенности его характера.

Как подчеркивал Юнг, в каждом человеке происходит борьба между индивидуальным и коллективным. Джон Клаубер чувствовал, что может без опасения проявлять спонтанность только при наличии собственного уважения к обществу, частью которого он является, и к голосу этого общества внутри него самого. Он очень серьезно относился к присутствию этих двух сторон в своей личности, о чем неоднократно высказывался. Он глубоко верил в важность ощущения внутреннего света, и сказал однажды, что люди, получившие квакерское воспитание, могут стать хорошими психотерапевтами; с другой стороны, он с трепетом относился к группе, к коллективу. Это проявлялось в том преувеличенном почтении, с которым он относился к гению Фрейда. Как-то он сказал, что все мы, аналитики, работаем в тени гения. Казалось, что он был против любого вмешательства с целью изменения теории основателя психоанализа. Он полностью осознавал, что со времен Фрейда понимание многих явлений ушло далеко вперед, но считал, что никто не предложил достойную замену его метапсихологии, и негативно относился к попыткам вносить в нее изменения. Так, на одном из научных заседаний Британского общества доктор Деннис Дункан представил свою работу, в которой он сделал попытку переработки теории в свете интересубъективного подхода, и Клаубер дал его выступлению отрицательную оценку ввиду «поверхностного отношения к теории». Ему не понравилась книга Элленбергера, посвященная бессознательному, так как он считал, что она безосновательно принижает значение Фрейда. Подозреваю, что он считал, что никто из нас, обыкновенных смертных, не был способен почувствовать глубину мыслей и представлений Фрейда, а поэтому подобное «поверхностное» отношение к его теории было обречено на провал. Как будто он чувствовал, что пока не появится фигура, равная по значению Фрейду, для всех было бы лучше пользоваться наследием, завещанным нам Фрейдом. Клаубер хорошо знал себя, свои недостатки. Он не был удовлетворен имеющейся теорией и тесно связанной с ней техникой. Он энергично критиковал ее, однако складывается впечатление, что он с осторожностью относился к попыткам изменить ее. Он был готов применять собственный подход к пациентам и мог обосновать свою точку зрения по этому поводу. Возможно, дело было в его нежелании основывать новую теоретическую школу в психоанализе. В этом отношении он был схож с Ференци, которым он восхищался, а также с Балинтом и Винникоттом. По этому поводу он также разделял убеждения независимой группы аналитиков внутри Британского общества. Члены этой группы выступают против основания новых школ.

Фрейд расценил как предательство несогласие Юнга с одним из центральных положений его теории. То же самое чувствовала Мелани Кляйн по отношению к Пауле Хайманн. Это значит, что они воспринимали теории как свои собственные создания, и критика теории означала для них нападение на личность. Они чувствительны в этом отношении, как когда-

то Микеланджело, когда один из кардиналов нелестно отозвался об обнаженных человеческих фигурах на фреске с изображением Страшного Суда в Сикстинской капелле. Помимо этого, у Фрейда чувствуется еще и желание того, чтобы его последователи мыслили в русле его концептуальных представлений, это также характерно для Кляйн. Теперь мы яснее можем увидеть, в чем состоит дилемма Клаубера. Став создателем новой теории, он вступил бы в противоречие с одним из глубочайших собственных принципов, состоящим в том, что человеку важно найти свой индивидуальный свободный способ самовыражения. Как можно с такими взглядами навязывать другим свой образ и подобие? Эта дилемма, встающая перед человеком, глубоко преданным идее свободы. Эта дилемма Клаубера всегда была дилеммой для тех, кто верил в личную свободу. В книге «Против течения» Исайя Берлин приводит примеры тех немногих смелых мыслителей внутри европейской идейной традиции, которые противопоставили себя крупнейшим монокаузальным системам мышления: Вико, Хердер, Монтескье и другие, чьи имена никогда не сравнятся по известности с именами Декарта, Карла Маркса или Фрейда.

Индивидуальный выбор свободы может означать «жизнь в тени гения», для того, чтобы вести собственную внутреннюю и внешнюю жизнь, необходимо быть чьим-то последователем, так как самому быть творцом чужих жизней оказалось бы невыносимым для того, кто предан свободе. С другой стороны, это означает незаживающую рану в самом центре существования подобной личности. Руссо ощущал тяжесть этого выбора, воскликнув в гневе, что людей надо принуждать к свободе. Вместе с тем я считаю, что те, кто ощутил эту рану в центре своего бытия, способны исцелять других. Клаубер был прекрасным целителем. Мне кажется, он был бы доволен такой эпитафией.

Мысли спустя тридцать лет

Размышляя об опыте своего общения с Клаубером и разбирая его бумаги, я изумляюсь тому огромному значению, которое он придает личности. Вклад в индивидуальность как пациента, так и аналитика находится в центре его внимания, и тем не менее эта его сторона во многом остается неизвестной, словно его высказывания, часто ошеломляющие, являются семенами в психологической почве, в которой отвергается все личностное, а первостепенное значение приписывается слепым психическим силам. И вдруг в этой закрытой системе появляется концепция, по сути своей глубоко затрагивающая личность.

Здесь уместно провести аналогию с Юмом, который был глубоко предан идеям веры, являясь при этом бескомпромиссным рационалистом. Эти бриллианты, сияющие в грязи, не остались незамеченными немецкими романтиками, Гаманом и Якоби. Мне пришлось потратить немало времени, прежде чем я смог обнаружить у Клаубера эту концепцию, а затем поместить ее в сад философских идей, родственных ей по духу. Для меня очевидно, что его акцент на индивидуальности идет вразрез с установкой на обезличенность и влияние системы.

Защищая свои «беседы» с пациентом, он исходил из интуитивного понимания их важности для развития личности. Думаю, он пытался посмотреть на эту задачу с нескольких точек зрения. Меня все больше интересует природа личности человека. Что представляет собой личность? Что отличает личность от просто индивида? Отличает ли личность от индивида наличие творческой реакции и спонтанность? Творческая реакция лежит на более глубоком уровне личности, чем речевая. Отклики Клаубера в виде его бесед являются проявлением на уровне языка чего-то значительно более глубокого. Я убежден в том, что именно эмоциональное взаимодействие создает личность. Мне кажется, что, зная об этом, Клаубер не полностью осознавал значение личности. Личностью становиться не хочется, так как именно личность испытывает такие чувства, как печаль, стыд, сожаление, вина. Человек, личность которого не развилась или находится в зачаточном состоянии, не испытывает этих чувств. Часто наблюдается инстинктивное уклонение от личностного развития, и, как мне кажется, метод психоанализа в целом

находится под влиянием этого страха. На мой взгляд, со стороны Клаубера было мужественным решением не придерживаться широко распространенной техники, суть которой состояла в отрицании личностного начала.

В этом, по моему мнению, состоит основное достоинство Джона Клаубера. Не осознавая этого полностью, я тем не менее потратил много лет, чтобы найти в психологии то, что поддержало бы его взгляды. В результате я выделил два важнейших принципа: его инстинктивное уважение к свободе индивидуальности и его постоянно повторяемое изречение о том, что первой задачей аналитика является установление эмоционального контакта с пациентом. Это две служанки того, что я назвал его «основным достоинством». Не каждый обладает способностью устанавливать эмоциональный контакт с другим. Наверное, эта коммуникационная способность формируется в рамках связи мать – младенец. По причине зависимости от столь непредсказуемого фактора эта способность часто оказывается недостаточно сформированной. Некоторые психоаналитики и психотерапевты страдают от этого раннего нарушения, и «давать интерпретации» становится для них механизмом, компенсирующим неспособность строить отношения. Свобода – обязательный компонент для того, кто хочет строить отношения.

Сегодня, оглядываясь назад, спустя 25 лет после смерти Клаубера и 21 год после написания этой работы, я могу сказать, что он обладал совершенно уникальной способностью создавать отношения. При этом он не вполне отдавал себе отчет в том, какие психологические факторы влияют на этот процесс, отчасти потому что переоценивал систему взглядов Фрейда, не способную поддержать его собственное мировоззрение. Так, я считаю, что его концепция тревоги как импульсивной разрядки является слишком механистической и не соотносится с тем особым значением, которое он сам придает Эго и системе ценностей аналитика. Я думаю об этом с величайшим сожалением, потому что личность аналитика и влияние личности на процесс были для него самыми важными практическими аспектами в психоанализе. По существу, в работе «Психоаналитик как личность» (Klauber, 1968, p. 123–139) он рассматривает именно этот аспект, хотя очевидно: чтобы поддерживать такой взгляд, необходимо обладать философским пониманием, предложенным такими мыслителями, как Джон Макмюррей, Кьеркегор, Мерло-Понти, Ясперс, Беренсон, Макс Шелер и др. Представление проблемы в виде стоящих перед Эго задач по интеграции аспектов, изначально имеющих чуждый ему характер, противоречит утверждению о том, что существуют импульсы, требующие разрядки. В первом варианте Эго представляет собой фактор, структурирующий личность, в то время как во втором подчеркивается безличный характер действующих импульсов. На мой взгляд, Фэйрнберн, понимающий личность как Эго, из схемы которой удалено Ид, и Бион, определивший взаимодействие между контейнером и контейнируемым, в большей степени способствуют первичности личностного по сравнению с более механистической моделью Фрейда. Данное понимание в определенной степени разделял и Коллингвуд, взгляды которого повлияли на Клаубера в процессе изучения истории. Интуитивно Клаубер действовал в соответствии с позицией, противоположной его теоретической ориентации. Поэтому, я думаю, в его замечании по поводу того, что мы всегда работаем в тени гения, звучала нота сожаления, как будто он страстно желал выйти из тени и опробовать теорию, соответствующую его интуитивному пониманию.

Когда-то я считал, что, если Клаубер не является знатоком в области личностного развития на уровне, описываемом как *примитивный, доэдипов, довербальный*, то кляйнианцы, вероятно, являются такими знатоками. Поэтому после того, как я сдал квалификационный экзамен аналитика, каждые две недели я стал посещать практические семинары под руководством Герберта Розенфельда и узнал от него очень много в этой области. Сами кляйнианцы утверждают, что действительно разбираются в этой области. Однако спустя время я пришел к выводу, что они тоже в ней не разбираются². Среди них были и заметные исключения. Осознав это, я опять

² Это совершенно не относится к Биону, Розенфельду, Сону и Сегал.

почувствовал еще большее расположение по отношению к Джону Клауберу. Можно сказать, что для того, чтобы анализировать пациента, совершенно необходимо уметь: во-первых, устанавливать контакт с пациентом, во-вторых, анализировать эмоциональные модели восприятия, искажающие действительность, которые ассоциируются у нас с душевным расстройством. Джон Клаубер, безусловно, умел делать первое и, по моему убеждению, делал и второе. Акцентирование спонтанности и активность, с которой он поддерживал спонтанность в терапии, были направлены на психотический сектор личности с тем, чтобы предотвратить развитие психоза.

Другими словами, он выращивал сад, в котором психотические ростки будут своевременно искоренены. Психоз, представляющий собой структуру под управлением Супер-Эго, характеризуется жесткостью, догматизмом и склонностью к систематизации. Спонтанность является противоядием этому³. По-видимому, Клаубер знал об этом и знал, как вмешаться в развитие психоза и дать пациенту возможность взрастить на его месте внутреннюю способность к свободному спонтанному поведению, являющуюся отличительной чертой психического здоровья. Установление эмоционального контакта с пациентом – фундамент, на котором строится аналитический процесс. Личность стабилизируется, если фундамент надежно укреплен, после чего можно приступать к аналитической работе.

Клаубер считал, что правда исцеляет, и он был верен этому идеалу. Он дал мне достаточно, чтобы на этом, как на фундаменте, можно было продолжать строить в последующие годы. За прошедшие 30 лет с тех пор, как завершился мой анализ у него, мое эмоциональное развитие и понимание аналитического процесса ушли далеко вперед. Думаю, что должен быть благодарен именно ему за то, что он направил меня по этому пути. С течением лет я испытываю все большую благодарность ему за то, что он был тем, кем был. Возможность разговаривать с ним, пользоваться его мудростью и пониманием была для меня огромной привилегией.

Я испытываю безграничную благодарность за его уважение к моей свободе. Он также очень радовался, когда в моей жизни случалось что-то хорошее и после того, как окончился мой анализ. Помню, как-то раз я встретил его в городской библиотеке Мэнсфилда вскоре после того, как Джоан, моя жена, забеременела нашим вторым ребенком. Он появился неожиданно, и я поделился с ним этой новостью. Он в буквальном смысле этого слова подпрыгнул от радости. Я сказал ему о том, что это снова будет мальчик, а он ответил, что, когда впервые услышал о том, что их вторым ребенком снова будет девочка, он испытал разочарование, а потом сказал мне: «Но когда ребенок родился, я так радовался, что это уже было неважно». Помню, что я уходил тогда с радостью в сердце. Его человеколюбие было очевидно для каждого, кто хорошо его знал.

³ Выражаю признательность Доктору Марку Ховарду за то, что он привлек мое внимание к этому важному фактору.

Часть II

Эмоциональная свобода аналитика

Введение

Не что хотим, сказав, а что должны.
(В. Шекспир. *Король Лир*, акт 5, сцена 3, строка 324)

Предлагаемые далее работы были написаны прежде, чем я написал главу первую, посвященную Джону Клауберу. Однако с точки зрения моего становления в качестве аналитика они должны следовать именно в таком порядке. В статье о Клаубере я восстановил время, предшествующее периодам, описанным в четырех последующих главах.

Эти четыре работы представляют собой единое целое. В центре внимания – убеждение, что именно эмоциональная свобода позволяет аналитику вступить в контакт с той примитивной сферой личности, которую называют *психотической, догенитальной, доэдиповой, областью базисного дефекта* или просто *примитивной*. Несмотря на то, что эти работы были написаны в самом начале моей деятельности в качестве психоаналитика и я ушел далеко вперед с тех времен, они отражают мировоззрение, которое изменилось только лишь в философской концепции, в рамках которой я оцениваю их сейчас. Спустя определенное время они оказались в контексте, который больше им соответствует. Постепенно я осознал, что они не в полной мере отвечают теоретической схеме, изучаемой мною в процессе аналитической подготовки, так что мне пришлось разработать собственную схему, на которую ушло много лет. Сегодня я могу сказать, что эти работы значительно лучше соотносятся с моим новым мировоззрением и сейчас я намного лучше понимаю то, о чем писал тогда. В первой статье под названием «Пациент формирует аналитика» содержится рассказ о лечении, в котором я столкнулся с проблемами, описанными в следующих трех главах: «Акт свободы аналитика как фактор терапевтического изменения», «Фантазия воспроизводит то, что представляет» и «Зрелость и интерпретация как совместные терапевтические факторы». Эти работы стали основополагающими для моего мышления, и я до сих пор руководствуюсь ими в своей практике.

Недавно я вновь размышлял об анализе, положенном в основу статьи «Пациент формирует аналитика», и два года назад издал новую ее редакцию под названием «Пробуждение от догматических снов». Я включил некоторые фрагменты изменений в последней редакции статьи в примечания в конце главы «Пациент формирует аналитика».

Глава вторая

Пациент формирует аналитика⁴

«Хорошо», – сказал Кот, и на этот раз он исчез довольно медленно, начав с кончика хвоста и закончив улыбкой, которая еще некоторое время была видна после того, как все остальное исчезло. «Ну и ну! Я часто видела котиков без улыбок, – подумала Алиса. – Но улыбка без кота! Это самое удивительное, что я видела в жизни».
(Carroll, 1974, p. 63–64)

Мой анализ подошел к концу. Мои отчеты о работе с двумя пациентами были приняты моими супервизорами и комиссией по образованию Британского психоаналитического общества. Итак, я стал квалифицированным аналитиком. В процессе психоанализа со мной произошли значительные изменения, поэтому я знал из личного опыта, что психоанализ способен кардинально изменить личность человека. Я пришел к этому заключению в момент, когда переживал эмоциональный подъем. Вскоре, однако, произошла встреча с человеком, показавшим мне, что мой анализ не подготовил меня к подобному испытанию.

Она пришла ко мне в остром состоянии с жалобой на галлюцинации, в которых она, сливаясь с образом матери, душила своего близкого друга. До прихода ко мне она обращалась в две престижные психоаналитические клиники с просьбой о лечении и, получив отказ, наконец, была направлена ко мне. В то время я работал в небольшом малоизвестном центре психотерапии. Она злилась на то, что ее не приняли на лечение ни в одной из предыдущих клиник, и понимала, что я был ее последней надеждой. Она знала, что если не будет работать со мной, то лишится последней возможности получить необходимое лечение. Она была крайне стеснена в средствах, так что вопрос о частном лечении даже не обсуждался. Таким образом, у нее не было другого выбора, кроме меня, показавшегося ей холодным и строгим, но разве были у нее другие варианты? Оливеру Твисту тоже было несладко, когда он просил добавку супа.

Она начала свое лечение в начале января, сразу после Нового года, и в течение трех месяцев до самой Пасхи процесс шел легко и гармонично, так что я – в то время молодой аналитик – был очень доволен собой. Я ожидал, что так оно и пойдет, пока лечение благополучно не завершится. Но после перерыва на Пасху меня ждал удар.

Думаю, что в течение этих трех месяцев она проверяла обстановку, пытаясь понять, сможет ли она предъявить мне сумасшедшую часть своей личности. Я знал, что некоторые пациенты действительно тщательно изучают своих аналитиков в самом начале лечения. Это дает аналитику возможность оценить ситуацию и решить, готов ли он к более серьезному испытанию.

Не имею понятия, почему я прошел этот экзамен, я был совершенно не готов к подобному яростному безумию. Размышляя об этом позднее, я пришел к выводу, что она интуитивно почувствовала во мне потенциал, который еще не был реализован.

После этого первого перерыва в лечении я вдруг очутился в клиническом мире, новом и пугающем. Ни анализ, ни супервизии не подготовили меня к этому страшному испытанию. Постараюсь рассказать, с чем я столкнулся тогда. Она вошла в кабинет и после долгого молчания сказала: «Гном».

⁴ Эта работа была написана примерно 15 лет назад, причем к моменту написания прошло около 12 лет с даты окончания этого анализа. До сих пор я уверен, что стал аналитиком именно в результате лечения этой пациентки. Осмысление опыта, полученного в процессе ее лечения, послужило основой для написания работы «Акт свободы аналитика как фактор терапевтического изменения» (глава третья).

После этого она замолчала на десять минут. Потом она стала смотреть в одну точку на полу и сказала: «Игрушка».

Я был ошеломлен такой внезапной сменой направления. Я не чувствовал, что обладаю достаточной квалификацией для такого анализа. Можно ведь обратиться к кому-то еще, кто мог бы посмотреть эту пациентку? Но кто это может быть, спросил я себя. Наверняка этот вопрос задавала себе и пациентка. Я мог бы побежать к супервизору, но внутри меня что-то шевельнулось и приказало мне вступить в бой. В то время я посещал клинические семинары Герберта Розенфельда два раза в неделю. Безусловно, там я и должен был представить случай этой пациентки. Тем не менее, когда подошла моя очередь, я предпочел рассказать о случае другой женщины, чьи навязчивости маскировали скрытый психоз. Кроме того, я находился в плену внутреннего убеждения, что должен прислушиваться к своей интуиции, и в тот момент слишком сомневался в себе, опасаясь, что признанный авторитет сможет сбить меня с курса. В таком случае почему позднее я решил рассказать о ее случае Биону? Думаю, причина в том, что я был способен отличить знание от мудрости. Итак, я решил: буду вести эту пациентку, несмотря ни на что. Вот что я сказал себе: «Что бы она ни говорила, что бы ни делала – я должен оставаться с ней в контакте». Поэтому, когда она сказала «Гном», а потом «Игрушка», я, поразмыслив и с трудом подобрав слова, сказал: «Вы чувствуете себя маленьким ребенком и хотели бы опуститься на пол и поиграть со своими игрушками, и вам хотелось бы, чтобы я поиграл с вами».

Я не получил ни подтверждения, ни отрицания. Сессия за сессией она выражалась подобным образом. У меня не было никакой опоры, кроме собственного воображения, на эту способность я и сделал ставку. Я обрадовался, когда спустя годы узнал, что Кант считал воображение основой понимания. Я на собственном опыте убедился в том, что воображение является *инструментом* аналитической деятельности. Воображение помогало мне связывать между собой ее «телеграфные сигналы» – название, придуманное мной для создаваемых ею образов, лишенных синтаксической структуры, чтобы поместить их в языковой контекст. Вспоминая, как я соединял их между собой, я стыжусь своей наивности. Я убежден, что 75 % того, что я говорил ей, было неправильно, но я продолжал плести узор или нить повествования из того материала, который она давала. Я думаю, она знала о том, что я новичок, который не может делать свою работу лучше, чем делает. Однако она решила, что я должен делать ее лучше, и верила, что я смогу. Это было правильное суждение. Она получала удовольствие в процессе того, как я плел свой узор. Я знал это, потому что иногда на ее лице мелькала улыбка.

Возможно, вас разочарует то, что я не прилагаю записей тех ранних сессий. Однако они были настолько странные и непоследовательные, что их было невозможно записать. Все они, по сути, напоминали обрывкам телеграфных сообщений. Она пристально вглядывалась в какую-то точку в комнате и потом говорила: «Голубой круг», а десять минут спустя переводила взгляд в другое место и произносила: «Жираф» и т. д. Этот тревожный процесс продолжался примерно месяц, когда я понял по напряженности, с которой она вглядывалась в разные места в комнате, что «телеграфные сигналы» являются объектами, которые она «видит» в моем кабинете. Я понял, что она галлюцинирует (см. п. 1 комментария). Странно, насколько осознание этого успокоило меня. Почему? Я думаю, это объяснил Бюн, цитируя Милтона:

Возникший из безвидной пустоты
Безмерной, – мир глубоких, черных вод⁵.

(*Bion, 1970, p. 88*)

⁵ Перевод Аркадия Штейнберга.

Когда что-то возникает из бесформенности и обретает форму, это очень успокаивает людей, по природе своей стремящихся к оседлости и определенности. Я испытал похожее чувство облегчения, когда позднее в процессе ее анализа меня вдруг осенило, что я был во власти психотического переноса.

Большинство ее галлюцинаторных объектов, появляющихся в моем кабинете, были животными, отчего мой коллега предположил, что моя комната превратилась в пристанище для Ноева ковчега. Я также заметил, что она никогда не смотрит *на*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.